

УДК 902.2(571.122)+39(=511.1)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-148-172

Скоробогатова А. Ю., Лобанова Т. В.
Skorobogatova A. Yu., Lobanova T. V.

**УГУТСКОЕ 21 И УГУТСКОЕ 40 – ПОСЕЛЕНИЯ XVII – НАЧАЛА XVIII вв.
НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЮГАН:
РЕЗУЛЬТАТЫ СТАЦИОНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ 2016 г.**

**UGUTSKOE 21 AND UGUTSKOE 40 – SETTLEMENTS
IN THE 17th – EARLY 18th CENTURIES ON THE BOLSHOY YUGAN RIVER:
RESULTS OF A STATIONARY RESEARCH IN 2016**

В статье впервые публикуются материалы, полученные в ходе археологических раскопок селища Угутское 21, селища Угутское 40. Выяснено, что это одно поселение, функционировавшее в XVII – начале XVIII в. и принадлежавшее остякам Юганской волости Сургутского уезда. В работе представлены данные по планировочной структуре, архитектуре, вещевом комплексе, а также палеозоологические материалы. Предварительно данное поселение идентифицировано с юртами Ямелцовыми, позднее Угутскими.

The article publishes materials obtained during the archaeological excavations of Ugutskoe 21 selishche (a village) and Ugutskoe 40 selishche for the first time. It is found out that this is one settlement that functioned in the 17th – early 18th centuries and belonged to the Ostyaks of the Yuganskaya volost in the Surgutsky Uyezd. The paper presents data on the planning structure, architecture, clothing complex, as well as paleozoological materials. Previously, this settlement was identified with the Yameltsov yurts, later with the Ugutsky ones.

Ключевые слова: север Западной Сибири, Большой Юган, поселение Угут, Сургутский уезд, Юганская волость, остяки.

Keywords: the North of Western Siberia, the Bolshoy Yugan river, Ugut settlement, Surgutsky Uyezd, Yuganskaya volost, Ostyaks.

Введение

Общеизвестно, что археологическая наука во многом началась с решения задачи идентификации раскопанных памятников с конкретными историческими населенными пунктами и народами. Для регионов севера Западной Сибири данная проблематика по-прежнему остается особо актуальной, в том числе для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Предлагаемая статья относится к недавно выделившейся в археологической науке области – исторической археологии.

Цель настоящей работы – воссоздание региональной истории Юганской волости Сургутского уезда в кон. XVI – нач. XVIII в. Ранее прошлое данной территории основывалось прежде всего на документальных и картографических источниках. Однако содержащиеся в них сведения о культуре коренных народов Сибири крайне скудны и фрагментарны. Археологические данные позволяют наиболее полно реконструировать аспекты региональной истории, в частности материальной, духовной культуры и экономики, не освещенные в письменных источниках.

Задачи статьи – ввести в научный оборот новые данные, полученные в результате раскопок селищ Угутское 21 и Угутское 40; представить материалы по архитектуре, вещево-

му комплексу, хозяйству и элементам религии; определить культурно-хронологическую принадлежность археологических памятников и предпринять попытку идентифицировать эти населенные пункты с поселениями, известными по картографическим источникам XVII в.; а также указать перспективу дальнейшего изучения.

Описание памятников. Селища Угутское 21 и Угутское 40 находятся в Сургутском районе ХМАО-Югры, в 5 км к востоку от с. Угут, на правой террасе небольшой речки Угутки – притока р. Большой Юган, в 6,5 км от устья.

Селище Угутское 21 выявлено в 2008 г. Л. Ю. Фефиловой [1], топографическая съемка и обследование проведены в 2012 г. В. А. Маракулиным [2]. Селище Угутское 40 выявлено в 2013 г. Ю. В. Балуевой [3]. Проект по сохранению памятников был разработан в рамках договора № 15-40 от 13.09.2015, заключенного между ООО «РН-Юганскнефтегаз» – ОАО «НК «Роснефть» и ООО «НПО «Северная археология-1» [4]. В списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность ХМАО-Югры, Селище Угутское 21 значится под № 4193, Селище Угутское 40 – под № 5237 [5–6].

Стационарные раскопки обоих селищ производились археологическим отрядом ООО «Северная археология-1» под руководством А. Ю. Скоробогатовой. Территория этих объектов полностью изучена в 2016 г. тремя раскопами общей площадью 4730 кв. м [7]. Материалом для настоящего исследования стали данные, полученные в ходе этих раскопок. Остатки сооружений данных памятников составляли ансамбль, расположенный на суходольных гривах, находящихся примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 1, 2 – 1). Первая от реки площадка располагалась на узком пойменном останце, на ней было размещено 2 сооружения (№ 6, 7), самая крупная площадка находилась на краю низкой подболоченной террасы, где размещались 4 сооружения (№ 1–4), одно сооружение (№ 5) было расположено на отдельном возвышении, в 200 м в глубине террасы. Остатки строений представляли собой подквадратные впадины с обваловками размерами от 6 × 8 до 10 × 13 м, с четко выраженными углами (рис. 2, табл. 1).

Стратиграфия. Культурные слои памятника относятся к легким супесям. Они залежали в заполнении сооружений и ям в виде серо-коричневых мешаных слоев различных оттенков и структур. Важным моментом, зафиксированным еще до начала раскопок, была особенность выраженности в рельефе обваловок строений. У сооружений № 3, 5–7 они были высотой до 0,25 м и фиксировались вокруг котлована строения с разрывом на месте входа. У сооружений № 1, 2, 4 валы имелись только с боковых сторон, и высота их была значительна – до 0,4 м (табл. 1). Обваловки построек состояли из мешаной супеси, по цвету и структуре они отличались от заполнения котлованов. Эти отложения возникли в результате оползания подсыпки, состоявшей из грунта, пластов лесной подстилки и, возможно, бересты, с наклонных стен домов. Слои обваловок прослежены как за пределами котлованов, так и в них. За пределами строений они распространялись полосами шириной 1,6–3 м вокруг котлованов или с двух сторон от них, в данном случае была найдена погребенная лесная подстилка. Внутри котлованов слои обваловок фиксировались только вдоль стен, перекрывая основное заполнение.

Архитектура поселения. Поселок состоял из семи слабоуглубленных каркасных построек (рис. 3), известных как традиционные жилища обских угров [8, с. 132, 163; 9, с. 253]. Планировка жилища нерегулярная, жилища направлены входами в разные стороны, чаще к центру поселка или в сторону ближайшего водоема. Сооружения различаются между собой основательностью постройки. Мощность культурного слоя указывает на длительное существование селища, но в жилищах отсутствуют следы ремонтов и перестроек. С другой стороны, таежный вмещающий ландшафт не допускает долгого проживания на одной территории

значительных групп населения. Совокупность всех полученных данных дает возможность предположить, что не все жилища функционировали одновременно. Застройка этого селища велась последовательно, по мере ветшания сооружений или для расселения новых поколений.

Таблица 1

Метрические характеристики (м) и пространственная организация жилищ

Характеристики	Жилища						
	1	2	3	4	5	6	7
Размер по внешнему контуру	9 × 6	8 × 9	13 × 10	7,8 × 6	7 × 8	7 × 9	9,4 × 8,5
Размер котлована	4,5 × 4,5	4 × 5,5	7 × 7	4х4,5	4,5 × 4,5	5,4 × 3,8	5,4 × 5,3
Размер внутреннего котлована	2,1 × 2,4	2,1 × 3,2	4 × 4,7	–	2,1 × 2,5	2,3 × 3	2,7 × 3,7
Высота обваловки	0,25	0,4	0,25	0,4	0,2	0,2	0,3
Глубина котлована (общая/внутренняя)	0,3/0,15	0,5/0,25	0,5/0,25	0,35	0,4/0,3	0,4/0,23	0,3
Размер тамбура	–	1,75 × 2,5	5,7 × 2,7	–	–	3,2 × 2,3	–
Ширина нар	1,35	1,3	1,7	–	1,6	1,45	1,5
Направление входа	ЮЗ	ЮЗ	ЮВ	В	В	СВ	СЗ
Ориентировка стен	СВ – ЮЗ	СВ – ЮЗ	ССЗ – ЮЮВ	З – В	З – В	ЮЗ – СВ	ЮВ – СЗ
Форма обваловки	П-образная	2 параллельных вала	П-образная	2 параллельных вала	П-образная	П-образная	П-образная
Расположение очага относительно входа	справа	справа	справа	справа	справа	слева	справа
Обмазка трубы	–	+	+	+	+	–	+
Наличие окладного венца	кроме дальней	боковые	все	кроме ближней	кроме ближней	кроме ближней	кроме ближней
Количество столбовых ям	–	16	15	7	9	9	3

Котлованы всех семи сооружений в принципе однотипны, но имеют некоторые специфические черты (рис. 3–6). Эти индивидуальные особенности связаны в основном с количеством столбовых ям и их локализацией, количеством и местом расположения бревен вдоль краев котлованов (табл. 1). Кроме того, в двух сооружениях были исследованы ямы, которые не имеют отношения к конструкции жилищ и хозяйственной деятельности населения. Основные характеристики котлованов всех жилищ приведены в таблице 1. На фоне материка они фиксировались очень четко в виде квадратов мешаного грунта, ограниченных деревянной рамой из двух, трех или четырех бревен, лежащих горизонтально (рис. 4–6). Котлованы стенками были ориентированы по линиям северо-запад – юго-восток или северо-северо-запад – юго-юго-восток. Бревна залегали на материке вдоль стен снаружи котлованов. Остатки бревен представляли собой отдельные линзы древесного тлена мощностью 12–18 см, углистые или темно-коричневые прослойки. Они располагались в основном вдоль трех сторон котлованов – по двум боковым и передней или задней стенкам. В одном случае котлован был окружен рамой со всех сторон, в другом бревна лежали только вдоль боковых стенок. Край сооружения № 7 был прослежен исключительно по деревянной раме, мешаным грунтом было заполнено лишь внутреннее углубление в котловане. В этом жилище между рамой и углублением сразу под лесной подстилкой находился материк. Интересная особенность была зафиксирована в жилище № 5. Там одно из бревен было уложено в канавку, выкопанную вдоль стены котлована. Вероятно, это было сделано с целью выравнивания поверхности, на которой нужно было разместить раму. По углам бревна были уложены в основном встык, только в жилище № 3 их концы лежали друг на друге с нахлестом в 0,2 м.

В центре котлованов, кроме одного, в полу имелось углубление прямоугольной формы с отвесными стенками глубиной 0,15–0,3 м. Вдоль трех стен это углубление ограничивало ступеньку из материка шириной 1,3–1,6 м – нары. Поверхность нар была ниже древней дневной поверхности на 10–25 см. Деревянное покрытие на них не зафиксировано. По краям нар сохранились следы их укрепления в виде узких прослоек сгнившей древесины и ямочек, оставшихся от досок, установленных на ребро, и от вбитых колышков, которые их подпирали. У передней стены материковая ступенька была уже – до 0,6 м и, вероятно, использовалась для спуска в жилище. Иногда эта ступенька была укреплена горизонтально лежащей плахой. Дно котлованов в углублении покрывала плотная темно-серая супесь с высоким содержанием органики, под ней находилась прослойка мешаного материкового грунта – обе мощностью около 5 см. Под ними прослеживались многочисленные бессистемные углистые пятна диаметром 4–6 см и глубиной до 0,18 м. В жилище № 4 подобное углубление отсутствовало, дно котлована по всей площади было практически на одном уровне, только в центре фиксировалось незначительное понижение.

Следы установки каркаса стен жилища зафиксированы у четырех котлованов (рис. 3–5). Во всех случаях это были ямы аморфной формы размерами от $0,2 \times 0,5$ до $0,4 \times 0,7$ м с наклонными стенками и приостренным дном глубиной 0,1–0,2 и реже – 0,4 м. Они располагались на материке под слоем обваловок у горизонтальных бревен, лежащих по краям стен котлованов. Ямы находились не по углам котлованов, а примерно на одинаковом расстоянии от них. Несмотря на небольшую глубину, аморфную форму и приостренное дно, можно интерпретировать ямы как столбовые, на что указывает их расположение. Эти ямы возникли не в результате вкапывания опор легких конструкций, а, скорее, в результате их вбивания или вкручивания в относительно мягкий грунт. У каждой стены жилища их было от одной до четырех. Однако у тех стен, у которых было зафиксировано только по одной яме, имелись серьезные нарушения слоя выворотнями или норами животных. Поэтому логично предположить, что их было как минимум по две. То есть изначально количество ям у каждого котлована варьировалось от 8 до 10.

Внутри котлованов жилищ № 2, 3, 6, 7 были расчищены столбовые ямы, отличающиеся от предыдущих. Это округлые ямы диаметром 0,12–0,3 м, глубиной 0,18–0,25 м, с вертикальными стенками и древесными остатками внутри. Все факты указывают на то, что столбы в них были установлены вертикально. Эти ямы располагались по углам углублений в полу котлованов и перед очагами (жилища № 6, 7) или только перед очагами (жилища № 2, 3 – ямы № 11, 18). Есть основания полагать, что они никак не были связаны с конструкциями каркасов жилищ, а являлись частью интерьеров домов.

В двух случаях зафиксированы ямы, расположенные с внешней стороны жилищ № 6 и 7. Ямы, заполненные темно-серой супесью, имели размеры от 1 × 1 до 2,5 × 2,2 м при глубине до 0,6 м от дневной поверхности. Судя по всему, при строительстве из них брали грунт для подсыпки стен. Отсутствие аналогичных ям у других жилищ указывает на то, что там для подсыпки стен использовался исключительно грунт, вынутый из котлованов.

Детали интерьера. Внутри котлованов, в переднем правом (6 жилищ) или левом (1 жилище) углу, были зафиксированы остатки очагов размерами 0,67 × 1 – 1,2 × 1,6 м. Все очаги однотипны, формой и устройством практически не отличались. В качестве примера приведем описание очага в жилище № 2. Основание очага находилось на невысоком материковом останце ниже поверхности нар и выше уровня пола в правом переднем углу дома. Подовая часть очага была покрыта толстым слоем глины, которая в процессе эксплуатации подверглась обжигу и фиксировалась в виде ярко оранжевой линзы диаметром 0,75 м. По краю этого пятна у стены котлована жилища были документированы следы установки каркаса очага в виде углистых пятен диаметром 3–5 см. Вертикально установленные жерди, расположенные полукругом с шагом в 10 см, были углублены в материковое основание на 10 см. Задняя стена топки также подверглась сильному обжигу и фиксировалась полукруглой прокаленной полосой шириной 16 см. Зону устья очага, направленного в центр жилища, маркировала сажистая полоса мощностью 20 см. Все эти элементы были покрыты слоем полуобожженной комковатой глины мощностью 0,17–0,38 м, оставшейся от обмазки стен верхней части очага. У пяти жилищ (№ 2–4, 5, 7) рядом с передними правыми углами котлованов поверх обваловок были зафиксированы линзы глиняной обмазки аморфной формы диаметром около 1 м, мощностью 5–9 см. Они располагались на расстоянии 0,7–1,2 м от задних стенок очагов. Скорее всего, это были остатки обмазки дымовых труб. У всех вышеописанных построек реконструируется наличие очага в форме чувала, аналогичного ранее обнаруженным при раскопках поселений конца XVI–XVII в. [10–11]. Данный факт позволяет идентифицировать раскопанные сооружения как остатки построек жилого назначения, в первую очередь для зимнего периода.

Входы в жилища были направлены в разные стороны: к реке, к центру жилой площадки и др. В жилищах без привходовых конструкций у передней стены на месте входа практически отсутствовал слой обваловки, а на материке залегала линза плотной гумусированной слоистой супеси черного цвета. У трех построек (№ 2, 3, 6) перед входом были зафиксированы линзы мешаной супеси, оставшейся от подсыпки стен, однако данный слой отличался от состава обваловок (рис. 7 – 1). Он был другой цветности и более комковатый. У двух жилищ (№ 2, 3) под линзой и рядом на расстоянии около 1 м друг от друга двумя рядами располагались столбовые ямы глубиной 0,2–0,3 м с прямыми стенками. Судя по профилю и заполнению, в них были вертикально установлены небольшие столбы. Две ямы, ближние к стенам жилища № 3, имеют следы установки двух столбов в каждой (рис. 4, яма № 7). У котлована жилища № 6 под упомянутой линзой располагалась Г-образная канавка, в которой, судя по заполнению и форме в разрезе, были вертикально поставлены деревянные элементы стен привходовой конструкции.

В отличие от многих других небольших поселений, существовавших в западносибирской тайге в древности, в межжилищном пространстве исследуемого поселка сформировался довольно мощный культурный слой, схожий по характеристикам с нижней частью заполнения котлованов жилищ (горизонт обитания). Толщина его была в основном 5–10 см, а рядом с сооружением № 3 доходила до 20 см, он был насыщен органикой, фрагментами костей животных и включал множество находок. Слой залегал на расстоянии 8–15 м вокруг жилищ и внешних печей, он фиксировался в виде больших вытянутых линз, крупных пятен и полос (тропинок), сливающихся и пересекающихся. Данные отложения четко маркировали селитебную территорию, в границах которой население поселка занималось хозяйственной деятельностью. В этом культурном слое расчищены 25 линз спекшейся глиняной крошки размерами от 0,5 × 1 до 2,5 × 1,5 м и мощностью до 18 см, в которых прослежены сажистые или золистые прослойки (рис. 3). При этом прокалы в них отсутствовали. В некоторых линзах были найдены развалы частей керамических сосудов, колотый кремь, металлическое сырье и иглы, в шести печах находились кости животных и рыб. Рядом с пятью линзами были найдены обожженные кости животных, а несколько обгоревших костей лежали непосредственно в двух других линзах. Необходимо отметить, что все остальные кости животных со следами воздействия высоких температур лежали в основном в очагах жилищ, что вполне логично.

Исходя из характеристики и расположения линз, а также обнаружения развалов сосудов и горелых костей животных, можно полагать, что описанные пятна глиняной обмазки – это остатки печей для приготовления еды, конструкцию которых не удалось проследить. Все внешние печи находились у входов в жилища: слева или справа, на расстоянии 5–12 м от домов, и располагались группами от 2 до 4, при этом у жилищ № 1 и 5 они отсутствовали вовсе, а у жилища № 3 их было 13 – 10 слева и 3 справа.

В межжилищном пространстве выделены две производственные площадки: площадка № 1 включает в себя участок шириной 15 м, прилегающий к западной стене жилища № 3. Здесь, в естественной ложбине, очень плотно располагались 10 печей и был зафиксирован самый мощный культурный слой. На этом участке было найдено наибольшее количество костных остатков животных, а также 71 предмет: поломанные железные инструменты и их части, орудия промысла, украшения, элементы одежды, фрагменты кухонной утвари, отходы и заготовки металлургического производства. Площадка № 2 размерами 12 × 12 м расположена в 5 м к северо-востоку от жилища № 3. Здесь располагались 3 печи и найдено 33 предмета – железные гвозди и скобы, крупные абразивы, наковальня. Кроме того, документировано плотное скопление находок: два перстня, две связанные серьги двойчатки, кресальный или ружейный кремь и оселок (рис. 8–9).

Ритуальные комплексы. В двух жилищах, кроме ям, связанных с конструкцией и хозяйственной деятельностью, были исследованы углубленные объекты явно ритуального назначения. В жилище № 2 в полу прослежено две ямы (№ 22, 26) глубиной 0,15 м с отвесными стенками и плоским дном. Скорее всего, они составляли два канавообразных объекта сложной конфигурации, один из них (№ 26) впоследствии был поврежден шурфом (рис. 6). В ямах находились раздробленные кости конечностей и черепа северного оленя и несколько неопределимых костей – всего 165 фрагментов (вместе с костями из шурфа 2012 г). Причем фрагменты заполняли лишь нижнюю часть ям и лежали отдельными очень плотными скоплениями. В жилище № 3, превосходящем по размеру все остальные постройки практически в два раза, в полу котлована была зафиксирована схожая яма (№ 23). Она была примерно такой же глубины и также была заполнена мешаным материковым грунтом с костями животных (рис. 4, 7 – 3). Ее хорошая сохранность дала возможность сделать некоторые интересные наблюдения. В ходе изучения ямы мы пришли к выводу, что она копалась поэтапно – участок

за участком. После того как готовый сегмент заполнялся костями животных и засыпался, выкапывался следующий, и так далее. На такую последовательность действий указывают форма ямы с границами этих сегментов, очертания стенок и структура заполнения. Здесь кости залегали также отдельными очень плотными скоплениями, однако одни сегменты были заполнены только до половины, а другие – до верха. Всего в яме обнаружены кости голов и конечностей оленей, лошади и одна берцовая кость медведя – всего 357 фрагментов. В разных местах ямы среди костей лежали украшения из сплавов цветных металлов: серьги-двойчатки (три целых и две сломанных), нашивки на одежду (три однотипных рамчатых и один обломок крестообразной) (рис. 7 – 2). Интересно, что на некоторых серьгах сохранились кусочки меха животных, но при этом отсутствовали следы пришивания в виде остатков нитей, соответственно, они не были нашиты на какие-то изделия, а просто соприкасались с мехом. Тогда, исходя из этого и из особенностей залегания фрагментов костей в ямах, вполне обоснованно полагать, что они были завернуты в плотные свертки из шкур животных. Все ритуальные ямы в сооружениях № 2 и 3 однозначно были выкопаны и заполнены костями до начала эксплуатации жилищ, так как грунт в них был практически неотличим от окружающего материка и они были полностью перекрыты неповрежденными прослойками мешаной супеси и супеси темно-серого цвета, залегавшими на полу.

В ходе работ было зафиксировано еще несколько интересных фактов, интерпретация которых также находится в плоскости иррационального. В жилище № 2 в середине нар у задней стены была исследована яма № 6 диаметром 0,6 м и глубиной 0,15 м, с отвесными стенками и плоским дном, заполненная мешаным материковым грунтом, в которой были найдены три полых пуговицы из сплава цветных металлов на основе меди (рис. 6, 8 – 16, 17). Пуговицы располагались на дне ямы компактным скоплением. В правом дальнем углу жилища № 3 в нарах находилась небольшая прямоугольная яма (№ 9) с отвесными стенками и плоским дном глубиной около 20 см с таким же заполнением, как и предыдущая (рис. 4). В ней был обнаружен железный нож с роговой рукояткой, уложенный параллельно стене дома, и две трубчатых кости северного оленя и бобра. Кончик клинка ножа был обломан. Рядом с ямой вплотную к углу лежал обух топора, который при расчистке развалился надвое, причем создавалось такое впечатление, что это целое изделие, которое было воткнуто в нары. Рядом с топором был обнаружен сломанный перстень. На нарах же, у задней стены котлована, примерно в середине, была найдена железная незначительно поврежденная пешня. Она была уложена четко вдоль стены дома и бревна, лежащего за пределами котлована. У левой стены дома, в середине нар, лежало лезвие ножа. С учетом того факта, что практически все орудия труда, обнаруженные на поселении, находились за пределами жилищ, расположение перечисленных предметов не кажется случайным, они намеренно были положены именно в указанные места.

Вещевой комплекс. Наибольшее количество находок располагалось на производственных площадках, на остальном пространстве поселка находки были немногочисленны и приурочены ко входам в жилища. Распределение находок по объектам приведено в таблице 2.

Костюм: детали одежды и украшения. Найдены четыре фрагмента обувных подков и пуговицы трех типов. Первая группа представлена пуговицами из светлого металла, цельнолитыми, шаровидными с округлыми петельками и бортиками высотой 1,1 см, декорированными насечками (рис. 8 – 15). Они лежали скоплением из 12 экземпляров в при входовой конструкции жилища № 6. Ко второй группе относятся две пуговицы из стеклянных бусин белого и черного цвета, надетых на стержни из свинцово-оловянного сплава (рис. 8 – 13–14). Стержень закреплен в бусине шляпками, украшенными насечками. К верхней шляпке припаяна округлая петля для пришивания, которая была обломана. Пуговицы

этих типов имеют широкую датировку и распространение, в частности представлены в материалах Мангазеи [12, с. 77], городка Монкысь Урий [13, с. 68; 8, с. 198–199]. Пуговицы в виде бусин на металлическом стрежне известны также по материалам Полуёского городка [10, с. 176]. Третий тип – полые пуговицы (3 экз.) из сплавов цветных металлов на основе меди, состоящие из полусфер. В коллекции есть только верхние части, они незначительно уплощены, имеют в центре отверстия, в которые вставлены петли для пришивания (рис. 8 – 16–17). Диаметр изделий составляет 1,1–1,3 см. Подобные бусины, использовавшиеся в качестве привесок, встречаются в погребальных комплексах конца XVI – начала XVII в. [14, с. 107, 140–141].

Нашивки на одежду из белого металла (свинца или свинцово-оловянного сплава) – 10 экз. (рис. 8 – 18–20). В коллекции есть крестовидные нашивки с отверстием в центре, решетчатые, из округлых элементов с жемчужинами (III тип по Кардашу), в форме арочной рамки с язычком и косым перекрестьем внутри (I тип по Кардашу) и фрагмент солярной нашивки плохой сохранности. Оловянные нашивки этих типов широко представлены на памятниках северо-таежного Приобья XVI–XVIII вв. [15, с. 138–139; 8, с. 207–211; 13; 14, с. 187–197; 10, с. 77, 84–85]. Нашивки решетчатой формы бытуют в обиходе юганских хантов вплоть до современности [17–18].

Рядом с жилищем № 5 лежали два фрагмента *кольчуги*, самый большой был размером 5 × 7 см, с диаметром железных колец 1,2–1,5 см, в сечении круглых (рис. 8 – 21). В других местах поселения найдены отдельные кольца, прямоугольные или круглые в сечении.

Украшения представлены *серьгами и перстнями*. Семь из восьми серег являются двойчатками (рис. 8 – 1, 3). Они сделаны из проволоки из сплавов металлов на основе меди разной толщины. Представляют собой разомкнутое кольцо с двумя оттяжками на подвижных креплениях. На оттяжки надеты крупные вытянутые бусины, плоские или округлые в сечении, из темно-синего, коричневого или белого стекла. Сверху и снизу от бусин на оттяжки нанизаны обоймочки (либо цельные, либо из витой проволоочки). На двух серьгах вместо обоймочек нанизаны 5–7 чередующихся белых и желтых бисеринок. Одна серьга имеет форму знака вопроса, на оттяжку надета крупная темно-синяя уплощенная бусина, декорированная четырьмя продольными бороздками, сверху и снизу от нее нанизаны одна бисеринка и обоймочка из витой проволоочки (рис. 8 – 2). Практически все серьги найдены в жертвенной яме № 23, за исключением пары связанных серег-двойчаток, лежавших справа от жилища № 3 в скоплении предметов, и серьги «знак вопроса», которая находилась между жилищами № 6 и 7. Серьги-двойчатки бытуют на Руси в XVI – пер. трети XVII в. [19, с. 286], серьги «знак вопроса» имеют широкий ареал и хронологию. В таежном Приобье они встречаются в слоях XIII–XVIII вв. [13, с. 82].

Найдено также 11 перстней, в том числе 7 целых и 4 сломанных. Три перстня с круглым плоским щитком с гравировкой: перекрестье с насечками, композиция из циркульных элементов, профильное изображение птицы (рис. 8 – 6, 7, 9). Остальные перстни каменные – пять однотипных с выпуклыми шестигранными кастами. Вставки из белого мутного стекла – граненые («бриллиантовая» огранка), пирамидальной формы – крепились «глухим» способом. На четырех таких перстнях боковые грани кастов покрыты перегородчатой эмалью (рис. 8 – 4). Еще два перстня – с восьмиугольными кастами и вставками ступенчатой «изумрудной» огранки из мутного желтоватого стекла – крепились в щиток «глухим» способом. На одном края были украшены вертикальными резными линиями (рис. 8 – 8). У другого на вставку нанесена гравировка в виде головы оленя (?) (рис. 8 – 10). В единственном экземпляре в коллекции представлен оловянный цельнолитой перстень с объемным кастом в виде цветка и плоским обручем с орнаментом в виде зигзага и двух параллельных линий (рис. 8 – 5). Похожие перстни представлены в коллекциях Надымского городка [15, с. 140–141], городка Монкысь Урий [11, с. 194–195], Мангазеи [20].

Орудия и инструменты представлены ножами, топорами, пешнями, иглами, наперстками, гвоздями и скобами.

Ножи универсальные: хозяйственно-бытовые, однолезвийные, с прямой спинкой и черешком, соосным клинку. Практически все ножи сломаны, а лезвия их сильно сточены, что говорит об интенсивном их использовании (рис. 9 – 4–5). Обнаружены также *навершия* и *больстеры* от рукоятей, причем они залегали в слое отдельно от ножей. Два целых однотипных навершия овальной формы с растительным орнаментом, фрагменты больстеров или бортиков наверший, два из которых с растительным орнаментом, третий украшен надписью (рис. 9 – 8–12). Все выполнены из сплавов на основе меди. Такие же навершия известны в материалах погребений XVII в. на Чулыме [21, с. 309]. Медный больстер с растительным орнаментом сохранился на фрагменте сабли или палаша, найденном в Надымском городке в слое конца XVII – первой трети XVIII в. Кроме этого, были обнаружены больстер и навершие овальной формы с низким бортиком от одного ножа, отлитые из свинцово-оловянного сплава. Аналогичные изделия в материалах Надымского городка датированы серединой XVII – пер. третью XVIII в. [10, рис. 3.29 – 3, 4, с. 222, 224].

Хорошо сохранился *наконечник ножен*, сделанный из листа цветного металла подтреугольной формы и каплевидным сечением, длина изделия – 11 см (рис. 9 – 7). Аналогии известны в материалах городков Монкысь Урий (XVI–XVII вв.) и в верхних слоях городка Эмдер [11, рис. 2.3.11, 57–60, с. 261; 14, рис. 46; 7, с. 91].

В коллекции имеется *проушный топор* размерами 14 × 12 см, с широким лезвием, верхний конец которого приподнят к рукояти уплощенным обухом и четко профилированной бородкой. Кончик был отломан и лежал рядом, на лезвии и боковой поверхности имеются множественные дефекты (рис. 9 – 2). Согласно классификации А. И. Соловьева, он относится к типу V [22, с. 94] и датируется второй половиной XVII – началом XVIII в. [22–24], хотя находили подобные изделия и на более поздних памятниках [25–27]. От второго топора сохранился только обух. Также в слое найдены клинья для топоров.

Пешня изготовлена из железного листа, свернутого на конус, с четырехгранным в сечении острием и с поврежденным втульчатый округлым насадом. Длина изделия – 29,5 см (рис. 9 – 1). Шило – острый на одном конце четырехгранный стержень длиной 7,5 см, прямоугольный в сечении, выполненный из сплавов цветных металлов на основе меди. Также найдены фрагментированные и целые кованые *гвозди* (3 ед.) разных размеров и *скобы* (8 ед.), *иглы швейные* (38 экз.), круглые в сечении, длиной 3–5 см, в основном из железа, реже – из цветных металлов на основе меди (11 ед.). Многие иглы деформированы и сломаны. *Наперстки* относятся к двум типам – четыре железных без донца, четыре из цветного металла с донцем и без (рис. 9 – 17, 18). Все наперстки без донца найдены рядом с жилищем № 5. Некоторые изделия сломаны и имеют сквозные дефекты.

Для заточки орудий использовали пассивные и активные *абразивы* из сырья разной твердости и зернистости (песчаник, сланец, кварц), различных форм и размеров – оселки, точильные бруски, гальки и плитки с шлифовкой, большие шлифовальные плиты. Последние применяли и как наковальни. От заточки игл на поверхности одного абразива образовались глубокие бороздки (рис. 9 – 21).

О том, что на поселении занимались отливкой изделий из металла, свидетельствуют находки *сырья* (свинцовые прутки, кусочки листов цветного металла) и *отходов производства* (всплески свинца), которые локализовались в основном на площадке возле печи № 17. В очаге жилища № 3 и рядом с ним найдены обломки *тиглей* и заготовки в виде деформированных трубочек, скрученных из листов цветного металла. Такие же трубочки лежали в печах № 17 и 19. Одиночные *всплески свинца* обнаружены в жилище № 2 и рядом с жилищем № 4.

Таблица 2

Распределение индивидуальных находок по объектам

Наименование предметов	Раскоп 1							Раскоп 2		Раскоп 3			Всего
	Жилища				ПП*	ПП2	МП	5	МП	Жилища		МП	
	1	2	3	4						6	7		
Перстень	–	1	3	–	3	2	1	–	2	–	–	1	13
Нашивка на одежду	1	–	5	–	2	–	2	–	1	–	–	2	13
Пуговица	–	3	–	–	3	–	–	–	–	12	–	–	18
Бусина (бисер)	–	–	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–	3
Серьга	–	–	5	–	–	2	–	–	–	–	–	1	8
Крест нательный	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2
Кольчуга (фрагмент)	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2	4
Подкова обувная	–	–	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	1
Сосуд керамический	1	10	2	–	12	9	–	2	6	12	3	65	122
Котел медный (ушко)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Нож (клинок)	2	–	2	–	3	1	2	–	–	–	–	5	15
Нож (навершие)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	1	3
Абразив	2	–	4	4	11	6	7	6	22	–	–	9	71
Больстер	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2	3
Пешня	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Топор	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Кресало	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Клин для топора	–	–	1	–	1	1	1	–	1	–	–	–	5
Игла	1	–	4	–	4	3	13	2	12	–	–	11	50
Шило	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Гвоздь	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	3
Скоба железная	–	–	1	–	2	3	3	–	1	–	–	–	10
Наперсток	–	–	1	–	–	–	2	–	5	–	–	–	8
Веревка	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Трубка курительная	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Крючок рыболовный	–	–	–	–	1	–	13	–	1	–	–	4	19
Наконечник стрелы (бронзовый лист)	–	–	1	2	4	–	1	–	2	2	1	12	25
Кремень ружейный	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	4	6
Кремень (фрагменты)	–	–	–	–	8	–	–	–	2	–	–	1	11
Тигль	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Пластина железная	–	–	1	–	2	–	4	1	3	–	–	–	11
Заготовки/отходы (свинец, бронза)	–	–	6	–	2	–	1	–	1	–	–	1	11
Всплеск (свинец)	–	1	–	–	6	–	2	–	–	–	–	–	9
Всего	7	15	43	6	71	33	53	12	67	26	4	121	458

Примечание: *ПП – производственная площадка; **МП – межжилищное пространство.

Орудия промысла. Наконечники стрел, вырезанные из тонких листов цветного металла (39 экз.), относятся к трем типам по классификации О. В. Кардаша: в форме криволинейного треугольника с небольшим отверстием посередине, треугольные с выделенным черенком и шипами, треугольные с выделенными шипами (рис. 9 – 12–16). Такие наконеч-

ники были найдены на многих поселениях позднесредневекового времени в среднетаежном Приобье [14, с. 90; 8, с. 375].

Рыболовные крючки (20 ед.) выполнены из круглых в сечении стержней размерами от $1,2 \times 2,8$ до $2,2 \times 5$ см. Цевье их без ушка, приостренное, обухок изогнут, жальце с бородкой на внутренней стороне, направленной либо вниз, либо к цевью. Крючки найдены у каждого жилища, в основном у внешних печей. Кроме этого, у жилища № 3 вокруг внешних печей было обнаружено несколько расплюснутых *свинцовых дробинок* 3–4 мм в диаметре. Есть в коллекции и несколько целых *ружейных кремней*, в плане они трапециевидной или прямоугольной формы высотой около 1 см, поверхности оформлены крупными сколами, на некоторых краях имеются мелкие частые сколы и забитость. *Наконечники стрел* из железа – довольно редкая находка. Обнаружен всего один шиловидный наконечник длиной 12,5 см, состоящий из длинного подпрямоугольного в сечении стержня с зауженной острой ударной головкой и уплощенным насадом (рис. 9 – б). Найдено одно целое *калачевидное кресало* размером $3,9 \times 8,6$ см (рис. 9 – 3).

Предметы быта, домашнего обихода. Фрагментированные и целые кованые *гвозди* (3 ед.) разных размеров и *скобы* (8 ед.).

Кусок *веревки* длиной около 20 см и толщиной 4 мм, сплетенной из скрученных тонких ниточек из растительных волокон (лен?). Плетение довольно сложное, плохая сохранность не дала возможности проследить его достоверно.

Посуда представлена фрагментами пяти гончарных горшков и многочисленными разрозненными обломками. Сосуды серо-глиняные, толстостенные, без орнамента, с коротким отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Найдены они преимущественно скоплениями в очагах жилищ и рядом с печами. Аналоги такой посуде прослеживаются в материалах раскопок верхнего посада г. Тобольска в слоях XVII–XVIII вв. [28, с. 82].

Кроме того, в жилище № 3 и у печи № 16 обнаружены два сломанных ушка от *котла*, сделанных из сплавов цветных металлов на основе меди, на одном сохранилось листовидное окончание (рис. 9 – 19). Фрагменты медных клепаных котлов часто встречаются на поселенческих и погребальных памятниках Северо-Западной Сибири XIII–XVII вв. Ушки с окончаниями листовидной формы не имеют ранних аналогий и, вероятно, относятся к XVI – началу XVII в. [11, с. 235, 268; 15, с. 232].

Средства передвижения. Жители поселка в работе и быту использовали кости животных, но оформленные костяные изделия в слое отсутствовали. На четырех костях оленя имелись следы обработки в виде грубо оструганных поверхностей и просверленных отверстий. В двух случаях это, возможно, были заготовки налобных пластин для оленьей упряжи [15, с. 255].

Нумизматические материалы. Счетный жетон диаметром 2,1 см (рис. 9 – 22), на аверсе изображен бюст французского короля Людовика XIV (в возрасте), круговая легенда читается фрагментарно – LVDOVICVS. Рисунок на реверсе сохранился плохо, в центре – небольшое изображение короны, легенда также читается фрагментарно – REPOS SVIT. Жетон, обнаруженный в постройке № 3, явно использовался как подвеска, так как у него имеется пробитое отверстие. По аналогичным жетонам удалось восстановить легенды на аверсе и реверсе: LVDOVICVS MAGNVS REX, под портретом короля – CL и LE REPOS SVIT LA VICTORIE. На реверсе была изображена богиня безопасности Секуритас (рим.), сидящая на стуле в профиль вправо, левой рукой она подпирала голову, а правой держала корону, расположенную на ее правом колене. Жетон датируется 1658–1711 гг. (годы работы мастера – 1658–1711, годы царствования Людовика XIV – 1643–1715) [29, с. 104]. Медные жетоны XVII–XVIII вв., изготовленные в Нюрнберге, неоднократно встречены на памятниках Западной и Восточной Сибири [21; 23; 30–32].

Предметы личного благочестия. Рядом с жилищем № 5 были найдены *нательные кресты* (2 экз.) (рис. 8 – 11–12). Один – простой четырехконечный, со слегка расширяющимися лопастями размерами 2,2 × 4,3 см – относится к распространенному типу простых четырехконечных крестов, имеющих несложные, упрощенные формы, что является признаком массового производства. В центре – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копием и тростью. Оглавие имеет вид плоского ушка. Второй крест – четырехконечный с сердцевидными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи в виде шариков) таких же размеров. На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест с копием и тростью. Оглавие имеет вид ушка. Православные кресты данного типа появляются во второй половине XVII в. и к концу столетия они уже встречаются на русском Дальнем Востоке [33, с. 47]. Кресты с сердцевидными оконечностями являются женскими. Судя по этнографическим коллекциям, их носили не только в качестве нательных, но и как наперсные. В последнем случае женщины прикрепляли их к концам низанных из бисера и металлических гайтанов («крестовок») и носили поверх одежды [31, с. 59–60; 34, с. 11].

Головка *курительной трубки* из сланца подпрямоугольной в плане формы, с трапециевидным сечением размерами 4 × 3 × 2 см, с двумя сквозными отверстиями Г-образной формы диаметром 1,7–0,7 см, одно из них предназначено для подвешивания (рис. 9 – 20). Подобные трубки встречаются в материалах поселений и могильников XVII–XVIII вв. по всей Западной и Восточной Сибири [16; 21, с. 325; 35; 36, с. 509].

На основании анализа вещевого комплекса можно определить хронологические рамки существования поселения – с первой трети XVII по первую треть XVIII в. Надо заметить, что подавляющее большинство вещей найдено в поломанном виде за пределами жилищ, что может указывать как на то, что основная трудовая деятельность обитателей проходила вне дома, так и на то, что большая часть этих вещей была выброшена как пришедшая в негодность. На основании этого можно предположить, что жители покинули поселок и переселились на новое место по причине истощения ресурсов территории.

Палеозоологическая коллекция состоит из 1053 экз. костных остатков. Были определены 1018 костей млекопитающих от 10 видов домашних и диких млекопитающих, 10 костей птиц, 25 костей рыб. 94 экз. костей млекопитающих точно определить не удалось (табл. 3), из них 60 костей – это мелкие кальцинированные фрагменты из очагов.

Домашние животные представлены костями лошади (*Equus caballus*) и собаки (*Canis familiaris*). Почти все кости лошади (52 экз.) были найдены в жилище № 3 и рядом с ним. Один фрагмент – в чувале, 18 фрагментов – под дерном слева от жилища, 33 фрагмента – в заполнении обрядовой ямы № 23, где лежали исключительно кости головы и нижних отделов конечностей. Отсутствуют кости осевого скелета (ребра и позвонки), за исключением первого шейного позвонка и фрагмента второго, который, вероятно, был разрушен при отделении головы от тела животного. Все кости, за исключением фаланг пальцев и мелких костей запястья, сильно раздроблены. По состоянию зубной системы можно сказать, что возраст животного был около 5 лет. Кроме этого, два обожженных фрагмента метаподии найдены в чувале жилища № 2, один фрагмент плечевой кости – рядом с жилищем № 5, одна локтевая кость – рядом с жилищем № 7. В межжилищном пространстве раскопа 1 были обнаружены задняя часть черепа собаки и первый шейный позвонок. Рядом с жилищем № 7 – 2 ребра, целая локтевая и фрагменты лучевой и плечевой костей.

Найдены также останки *диких животных*: северного оленя, лося, медведя, выдры, лисы, соболя, зайца-беляка и бобра.

Кости северного оленя (*Rangifer tarandus*) преобладают на всех раскопах (табл. 3) и составляют 82–92 % от определимых останков млекопитающих. Более половины всех останков было найдено в обрядовой яме № 23 (321 экз.), расположенной в жилище № 3, и в яме

№ 26 (155 экз.) в жилище № 2. Здесь были сосредоточены кости от 3 особей и от 1 особи северного оленя соответственно. Надо отметить, что все кости оленя были сильно раздроблены. По состоянию зубной системы можно сказать, что среди забитых оленей были особи в возрасте 2-х лет и старше. На территории раскопа № 2 большая часть костей оленя, включая фрагмент лицевой части черепа, была найдена в межжилищном пространстве к югу от постройки. В раскопе № 3 скопления костей оленя были сосредоточены в чувале постройки № 6 (122 экз.) и в заполнении постройки № 7 (19 экз.). Еще 77 костей северного оленя были найдены в межжилищном пространстве вокруг построек. Это преимущественно сильно раздробленные фрагменты костей поясов конечностей.

Кости лося (*Alces alces*) сохранились только на территории раскопа № 1. Раздробленные фрагменты костей ног были обнаружены в жилище № 3 и на прилегающих к нему участках, а также в чувале жилища № 2.

Медведь бурый (*Ursus arctos*). Скопление костей поясов и верхних отделов конечностей как минимум от 2-х взрослых особей медведя были сосредоточены в обваловке жилища № 3. В жилище № 1 лежали лопатка и фрагмент плечевой кости, в жилище № 7 найдены парные нижние челюсти старой особи медведя (вероятно, самки). Один фрагмент нижней челюсти найден в жилище № 5.

Череп и нижняя челюсть взрослой выдры (*Lutra lutra*) найдены на производственной площадке около печи № 19. Нижний конец задней лапы (2 первые фаланги, метаподии и нижний конец большеберцовой кости) и шейный позвонок взрослой особи обнаружены рядом с чувалом в жилище № 6. Фрагменты плечевой, лучевой и большеберцовой костей, возможно, от одной особи лисицы (*Vulpes vulpes*), найдены рядом с жилищем № 5. Фрагмент лопатки и локтевая кость, предположительно соболя (*Martes sp.*), найдены на площадке около печи № 19. Заяц-беляк (*Lepus timidus*) представлен фрагментами двух черепов, найденных у чувала в жилище № 6. Фрагменты бедренных костей бобра (*Castor fiber*) были найдены в жилищах № 3, 5, 6, хвостовой позвонок со следами огня – в жилище № 6. В жилище № 3 найден диафиз большеберцовой кости.

Немногочисленные кости птиц были найдены на площадке у печи № 19, а единичные – в жилище № 6 и рядом с ним (табл. 3). Это преимущественно кости плечевого сустава крыла. Все кости раздроблены.

Почти все кости рыб были найдены у печи № 19 возле жилища № 3, единичные кости – в жилищах № 6 и 7. По 12 костям были определены 4 вида рыб: язь (*Leuciscus idus*), обыкновенный окунь (*Perca fluviatilis*), обыкновенная щука (*Esox lucius*) и налим (*Lota lota*). Еще 1 кость была отнесена к семейству карповых (*Cyprinidae*). 13 костей рыб определить не удалось. Все определенные виды принадлежат к группе озерных или озерно-речных рыб, живущих оседло или мигрирующих в пределах речного бассейна.

Таблица 3

Видовой состав и количество костей животных в различных объектах

Виды и группы	Раскоп 1								Раскоп 2		Раскоп 3		
	1*	2	яма 26	3	яма 23	4	МЖП	ПП	5	МЖП	6	7	МЖП
Собака	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	5
Лошадь	–	2	–	1	33	–	1	17	–	1	–	–	1
Олень северный	3	1	155	15	321	2	23	27	6	21	122	19	86
Лось	–	3	–	2	–	–	5	5	–	–	–	–	–
Медведь бурый	2	–	–	14	1	–	–	1	1	–	–	2	–
Выдра	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	8	–	–
Соболь	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–
Лисица	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–

Окончание таблицы 3

Бобр	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	1	-	1
Заяц-беляк	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Млекопитающие	-	11	10	9	2	-	5	12	-	1	-	38	6
Птица (вся)	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	2	-	1
Щука обыкновенная	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	2	1	-
Язь	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
Сем. карповые	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Налим	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
Окунь обыкновенный	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Рыбы неопределимые	-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	-	-	-
Всего	5	17	165	43	357	2	36	95	8	26	137	60	100

Примечание: *1 – номер жилища, МЖП – межжилищное пространство, ПП – производственная площадка.

Таблица 4

Количество определяемых элементов скелета крупных млекопитающих

Элемент скелета	Северный олень	Лошадь	Лось	Медведь бурый
Рог (Corn)	33	-	-	-
Череп (Cranium)	28	3*	-	-
Нижняя челюсть (Mandibula)	15	4*	-	3
Зубы (Dentes)	33	2*	-	-
Подъязычная кость (Hyoidium)	1	-	-	-
Атлант (Atlas)	3	1	-	-
Эпистрофей (Axis)	5	1	-	-
Шейные позвонки (Vertebrae cervicales)	10	-	-	-
Грудные позвонки (Vertebrae thoracales)	20	-	-	-
Поясничные позвонки (Vertebrae lumbales)	7	-	-	-
Хвостовые позвонки (Vertebrae caudalis)	1	-	-	-
Позвонки (Vertebrae)	10	-	-	-
Крестец (Sacrum)	5	-	-	-
Грудина (Sternum)	4	-	-	-
Ребра (Costae)	56	1	-	-
Лопатка (Scapula)	23	2	-	2
Плечевая (Humerus)	47	1	1	5
Локтевая (Ulna)	13	1	1	5
Лучевая (Radius)	33	-	-	-
Таз (Pelvis)	17	4	-	3
Бедренная (Femur)	48	1	1	-
Большеберцовая (Tibia)	49	3	-	2
Коленная чашечка (Patella)	4	-	-	-
Трубчатые **	117	4	1	-
Метаподии (Metapodium)	72	16	7	-
Пяточная (Calcaneus)	13	2	2	-
Таранная (Talus)	13	3	1	-

Окончание таблицы 4

Запястье, предплюсна (Carpus, tarsus)	57	3	–	–
Фаланга 1 (Phalanges 1)	32	2	1	–
Фаланга 2 (Phalanges 2)	21	–	–	–
Фаланга 3 (Phalanges 3)	–	2	–	1***
Всего	790	56	15	21

Примечание: * – вероятно, фрагменты одной кости; ** – фрагменты не определенных ближе трубчатых костей ног; *** – коготь от фаланги 3.

Все костные остатки животных можно разделить на две группы: кухонные отходы и следы ритуальных действий. Анализ кухонных отходов и опосредовано ритуальных скоплений показывает, что основой питания жителей поселка был северный олень. Дополнительными источниками питания были мясо лося, бурого медведя, бобра. Рацион дополняли птица и речная рыба.

Жители поселения добывали пушных зверей – бобра, выдру, соболя, лисицу, зайца. Кости головы и лапы выдры, а также черепа зайцев, вероятно, сохранялись в качестве промысловых талисманов.

О наличии ритуальной деятельности говорят найденные в полу двух жилищ ритуальные ямы, заполненные колотыми костями. Особенность залегания слоев указывает на то, что ямы были сделаны в полу на начальной стадии строительства жилища, сразу после выкапывания котлована. Судя по конфигурации, яма в постройке № 3 состояла из отдельных сегментов, сооружавшихся последовательно. После выкапывания первого углубления туда плотно укладывались кости, ямка закапывалась, следом вплотную к ней выкапывалась следующая. Кости уложены плотными кучками на дне. В жилище № 2 все кости принадлежат северному оленю, в жилище № 3 – оленю, лошади и одна кость – медведю. Представлены преимущественно кости головы и поясов конечностей. По состоянию зубной системы можно сказать, что возраст лошади был около 5 лет, оленей – больше 2-х лет. Вместе с костями в яму укладывались украшения: нашивки на одежду, серьги, бусины.

Аналогичные обрядовые действия зафиксированы при изучении некоторых поселений нового времени. Так, при раскопках городка Монкысь Урий (Частухинский Урий) конца XVI – XVII в. выявлены аналогичные ямы в полу и под стенами жилищ [37, с. 87; 38, с. 133–135]. При изучении поселения XVII–XIX вв. Сырой Аган 12 в Сургутском Приобье под нарами одного из жилищ был найден приклад в виде новорожденного теленка [39, с. 7]. Исследователь угорских народов К. Ф. Карьялайнен сообщает, что у хантов есть дух почвы жилого места, которому жертвовали животное, затем кости, завернутые в шкуру, погребали внутри жилища рядом с нарами, стоящими у задней стены. Эта жертва была нужна, чтобы попросить у «Земной матери» землю для строительства. Иногда «Земная мать» получает в жертву котел, который тоже закапывают в землю и в который кладут монетки или винтовочные пули [40, с. 233].

Заключение

В итоге стационарных раскопок и первичного анализа полученных данных, в частности изучения особенности конструкций жилищ и комплекса артефактов, выяснено, что оба селища, Угутское 21 и Угутское 40, принадлежали одному историческому поселению, разделенному небольшими болотистыми ложбинами. Населенный пункт составляли семь жилых строений и хозяйственные сооружения, которые функционировали во второй половине XVII – начале XVIII в. (возможно, и дольше – с начала XVII в.). Вероятнее всего, данное поселение служило зимним пунктом проживания.

Судя по картографическим источникам рубежа XVII–XVIII вв., в бассейне среднего течения р. Большой Юган лишь один населенный пункт находился на правом берегу [41, Лист 11, с. 19, 20; 42; 43, Лист 123]. Предварительно данное поселение идентифицировано с юртами Ямелцовыми, позднее Угутскими, входившими в состав Юганской волости Сургутского уезда.

Данные, характеризующие жилые и хозяйственные сооружения поселения, объекты, возникшие в ходе ритуальных действий, предметы вещевого комплекса не оставляют сомнения в том, что населенный пункт принадлежал ясачному населению Юганской волости, а именно юганским осяткам – предкам современных юганских хантов, проживающих преимущественно в Сургутском районе ХМАО-Югры.

Формат настоящей публикации не позволяет в полной мере проанализировать все полученные материалы, в связи с чем в перспективе предполагается сделать серию публикаций, в которых более подробно будут описаны и проанализированы объекты архитектуры, религиозной обрядовой деятельности, а также хозяйство. Также на основании документальных данных (переписей ясачного населения), возможно, будут выяснены фамилии проживавших в нем осятков. Поэтому дальнейшее аналитическое изучение материалов раскопок имеет значительный научный потенциал.

Благодарность: авторы благодарят А. А. Пушкарева за помощь в определении счетного жетона и О. Е. Пошехонову за помощь в работе над текстом.

Литература

1. Фефилова Л. Ю., Звягин О. Л., 2008. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Большой Юган в Сургутском р-не ХМАО-Югры летом 2008 г. Екатеринбург // Архив УчМАЛ.
2. Маракулин В. А. Историко-культурные изыскания (экспертиза) по землям, отводимым под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2012 г. // Архив НПО СА Ф. 2. Д. 434.
3. Балуева Ю. В. Археологическая разведка земельного участка, отводимого под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения» в Сургутском р-не ХМАО-Югры в 2013 г. : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 527.
4. Проект «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического) наследия селище Угутское 21, расположенного в проектируемых коридорах коммуникаций объекта «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения». Нефтеюганск, 2016 // Архив НПО СА.
5. Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность : приказ руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского авт. окр. № 81-ПП от 29.12.2008.
6. Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность : приказ руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского авт. окр. № 18-ПП от 06.05.2014.
7. Скоробогатова А. Ю. Отчет о результатах спасательных археологических полевых исследований выявленного объекта культурного (археологического) наследия селище Угутское 21 в зоне обустройства кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2016 г. Нефтеюганск, 2018 // Архив НПО СА 576/1-4 НАУЧ.
8. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М. ; Л., 1961. С. 131–226.

9. Соколова З. П. Жилище народов Сибири. М. : ИПА «Три Л», 1998. 284 с.
10. Кардаш О. В. Полуыйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013. 380 с.
11. Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках. Екатеринбург : Издательская группа «Караван», 2015. Т. 1. Археологические исследования. 448 с.
12. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008.
13. Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. 296 с.
14. Зыков А. П., Кокшаров А. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. 320 с.
15. Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.
16. Баранов М. Ю. Спасательные археологические работы (раскопки) на поселении Урочище Бала 1 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области. Раскоп 3. (2 книги). Книга 1 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 397/1.
17. Носкова А. В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун 54 в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / отв. ред. Я. А. Яковлев. Тюмень ; Ханты-Мансийск : Изд-во «РИФ» КоЛеСо, 2008. Вып. 6. С. 187–197.
18. Фефилова Т. Ю., Звягина Л. Ю. Металлические нашивки в украшении женского сака юганских ханты 1970-х гг. // Музейное дело в Ханты-Мансийском округе – Югре : науч.-метод. сб. Вып. 4. Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 77–84.
19. Жилина Н. В. Серьги в уборе Московской Руси // Археология Подмоскovie : Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 278–306.
20. Визгалов Г. П. Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века в 2009 году. Книга 1 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2010 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 292/1.
21. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск : Изд. ТГПИ, 1953. Т. 10. С. 127–335.
22. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
23. Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 184 с.
24. Беликова О. Б. Зырянский могильник конца XVI – XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники : (опыт комплексного исследования одного кургана). Томск, 2010. 432 с.
25. Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.
26. Яковлев Я. А., Боброва А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 137–174.
27. Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
28. Аношко О. М., Селиверстова Т. В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории верхнего посада г. Тобольска // Вестник ТюмГУ, 2009. № 7.
29. Groenendijk F., Levinson R. Rechenpfennige, Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge: Die Familie Lauffer, mit einem Supplement auf Band 1, с a. München, 2015. Band 2, 252 S.
30. Спасский И. Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания 18 века, 1951. С. 130–138.

31. Чиндина Л. А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во Ом. ун-та, 2004. С. 284–290.
32. Пушкарев А. А. Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые годы. 2015. № 34 (4). С. 825–833.
33. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Изд-во ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
34. Станюкович А. К. Произведения русской средневековой металлопластики из округа Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет», 2000. № 1.
35. Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 2000. С. 107–121.
36. Баранов М. Ю., Куприянов В. А. Культурно-хозяйственный комплекс приобских остяков XVII–XIX веков (по материалам исследований поселения «Урочище Бала 1») // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд. дом «Наука», 2017. С. 504–511.
37. Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 164 с.
38. Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах городка Монкысь Урий / Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46, № 2, 2018. С. 131–139.
39. Шорин А. Ф., Баранов М. Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений // Материалы и исследования по истории Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 70–81.
40. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.; Т. II. 1995. 284 с.; Т. III. 1996. 247 с.
41. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 1. Факсимильное издание. М. : ФГУП ПКО «Картография», 2003. 100 с.
42. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова: Факсимильное издание. Тобольск : Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 1. 512 с.
43. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск : Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 2. 692 с.

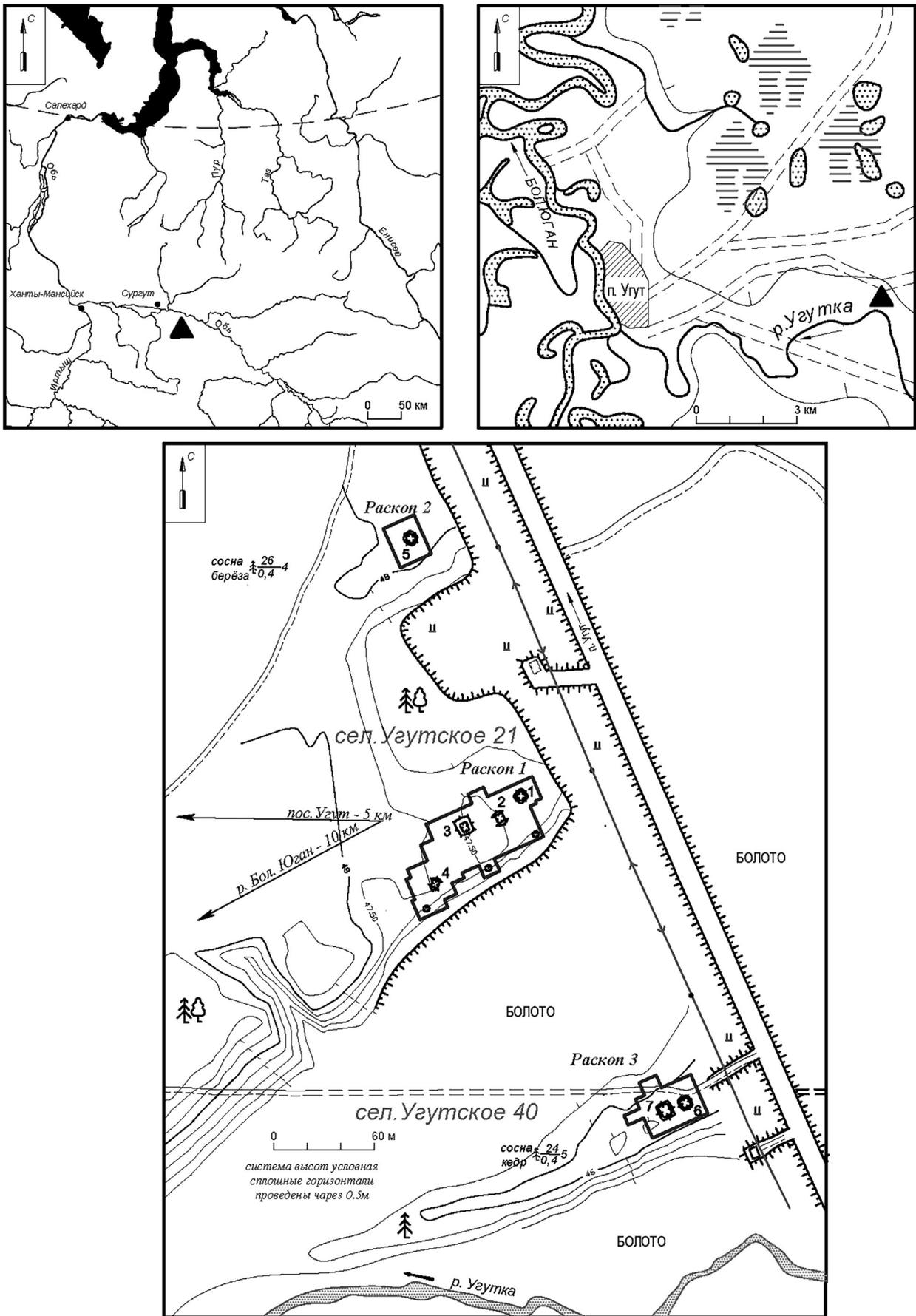

Рис. 1. Расположение селищ Угутское 21, 40

Рис. 2. Селища Угутское 21, 40: 1 – вид сверху, с северо-запада; 2 – жилище № 2 до начала работ, вид с северо-запада

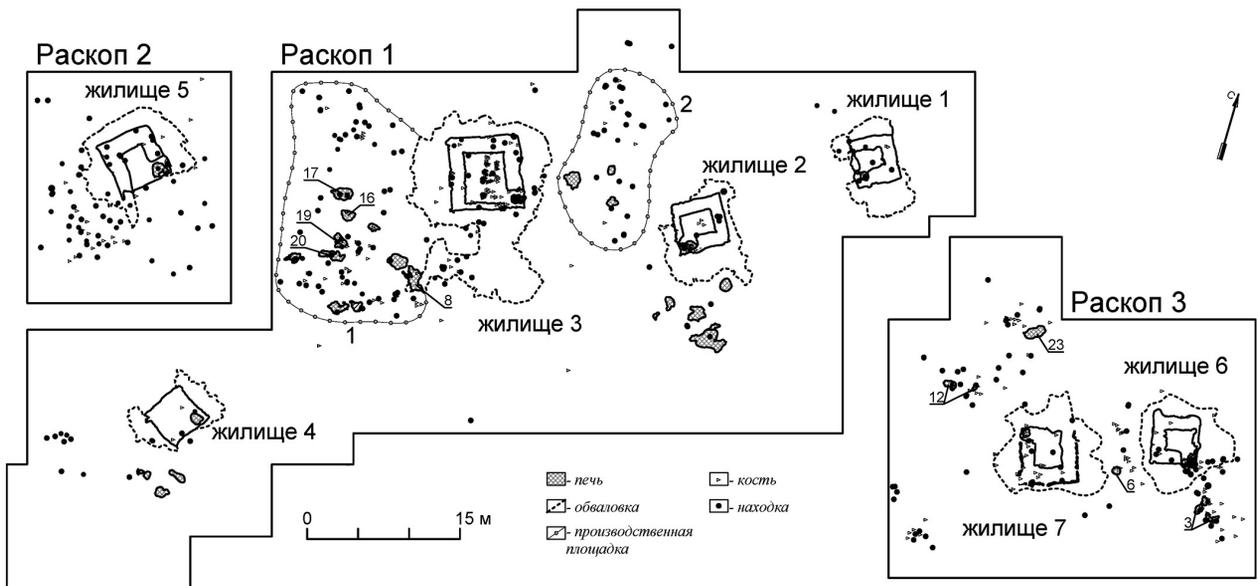

Рис. 3. План-схема расположения объектов и распространения находок

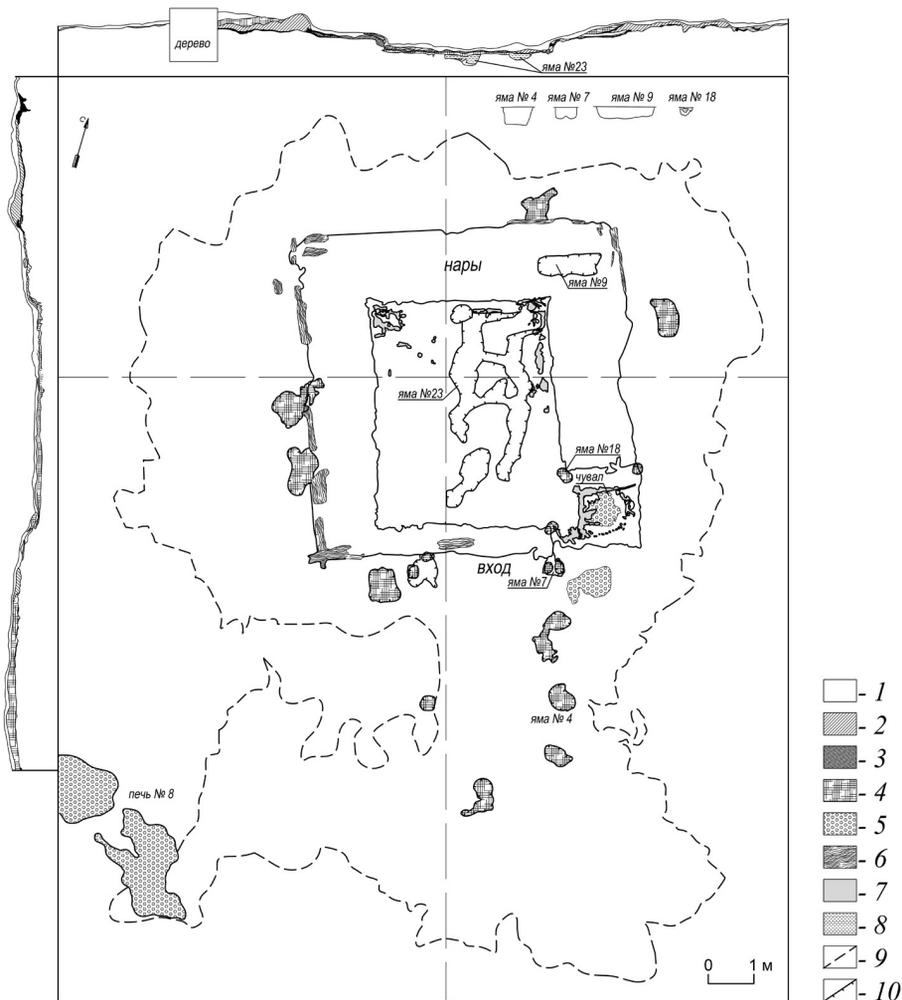

Рис. 4. План жилища № 3. Условные обозначения: 1 – очес; 2 – обваловка жилища; 3 – мешаный слой; 4 – темно-серый слой (горизонт обитания); 5 – глиняная обмазка; 6 – древесный тлен; 7 – углистая прослойка; 8 – столбовая яма; 9 – граница обваловки; 10 – граница понижения

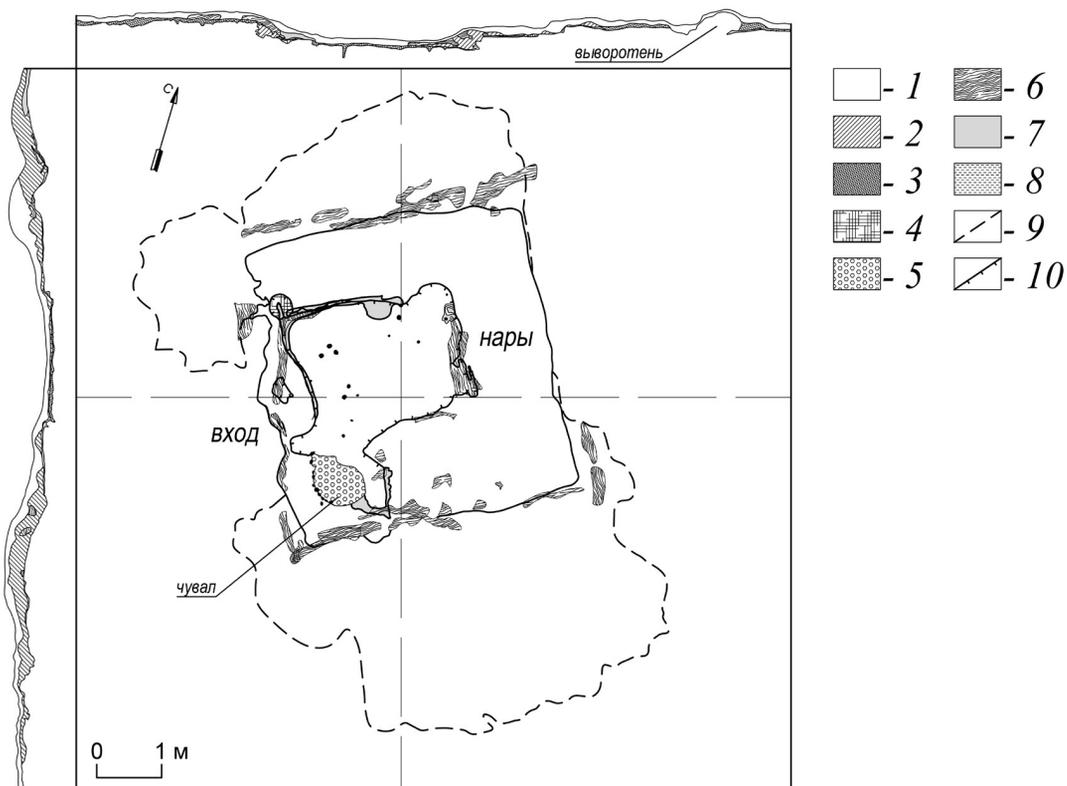

Рис. 5. План жилища № 1. Условные обозначения: 1 – очес; 2 – обваловка жилища; 3 – мешаный слой; 4 – темно-серый слой (горизонт обитания); 5 – глиняная обмазка; 6 – деревянный тлен; 7 – углистая прослойка; 8 – столбовая яма; 9 – граница обваловки; 10 – граница понижения

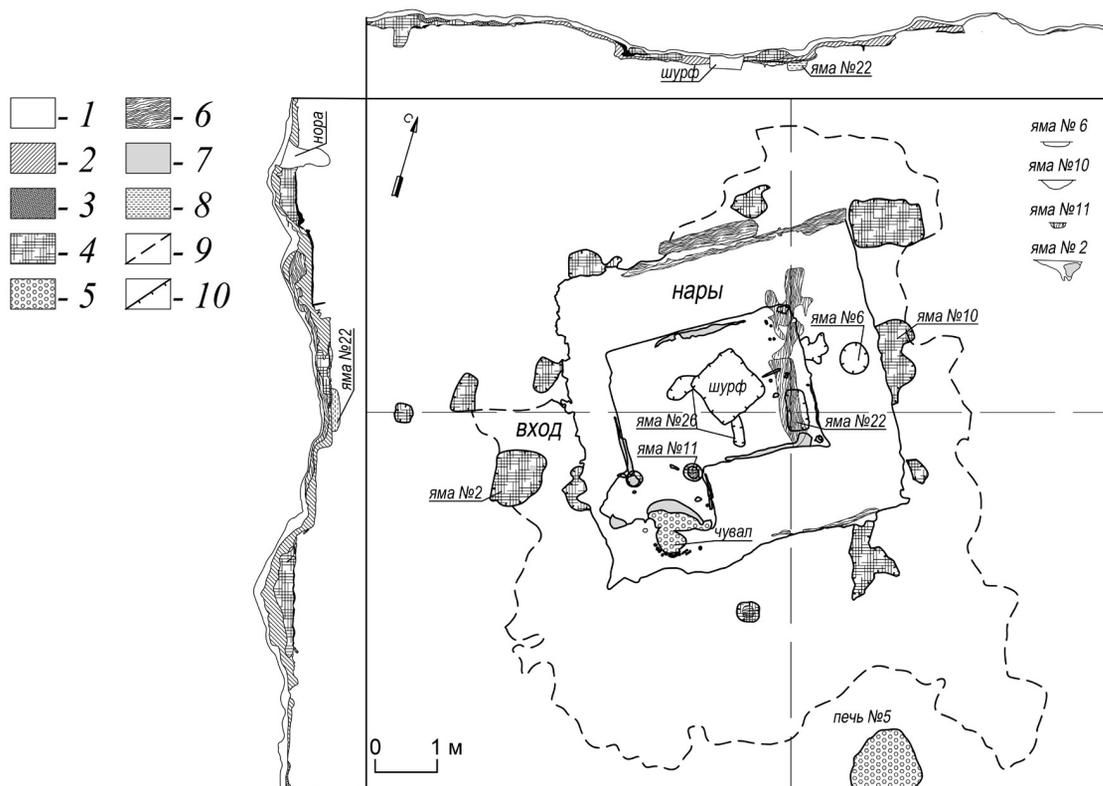

Рис. 6. План жилища № 2. Условные обозначения: 1 – очес; 2 – обваловка жилища; 3 – темно-серый слой (горизонт обитания); 4 – мешаный слой; 5 – глиняная обмазка; 6 – деревянный тлен; 7 – углистая прослойка; 8 – столбовая яма; 9 – граница обваловки; 10 – граница понижения

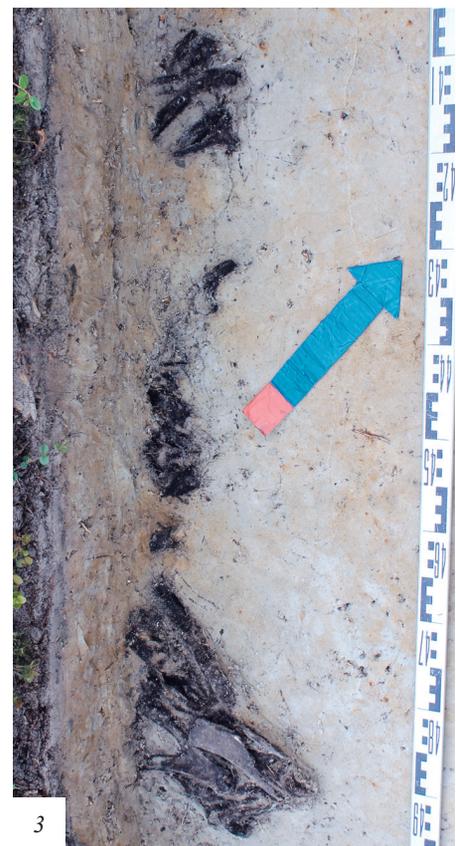

Рис. 7. Селище Угутское 21, 40: 1 – жилище № 3 после снятия дерна; 2 – серги в жертвенной яме № 23; 3 – кости в жертвенной яме № 23

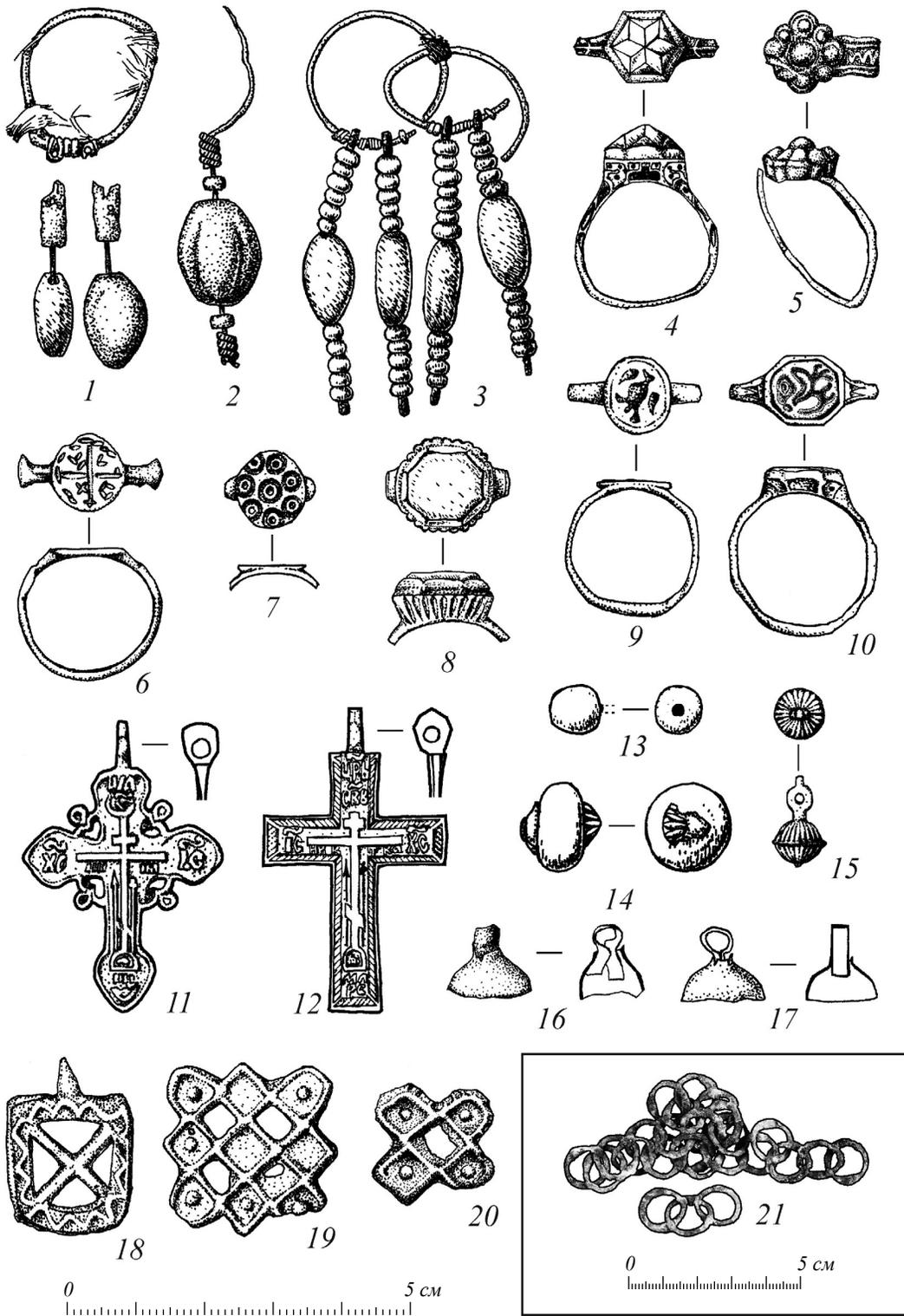

Рис. 8. Селище Угутское 21, 40. Детали одежды и украшения: 1-3 – серьги; 4-10 – перстни; 11-12 – кресты-тельники; 13-17 – пуговицы; 18-20 – нашивки на одежду; 21 – фрагмент кольчуги

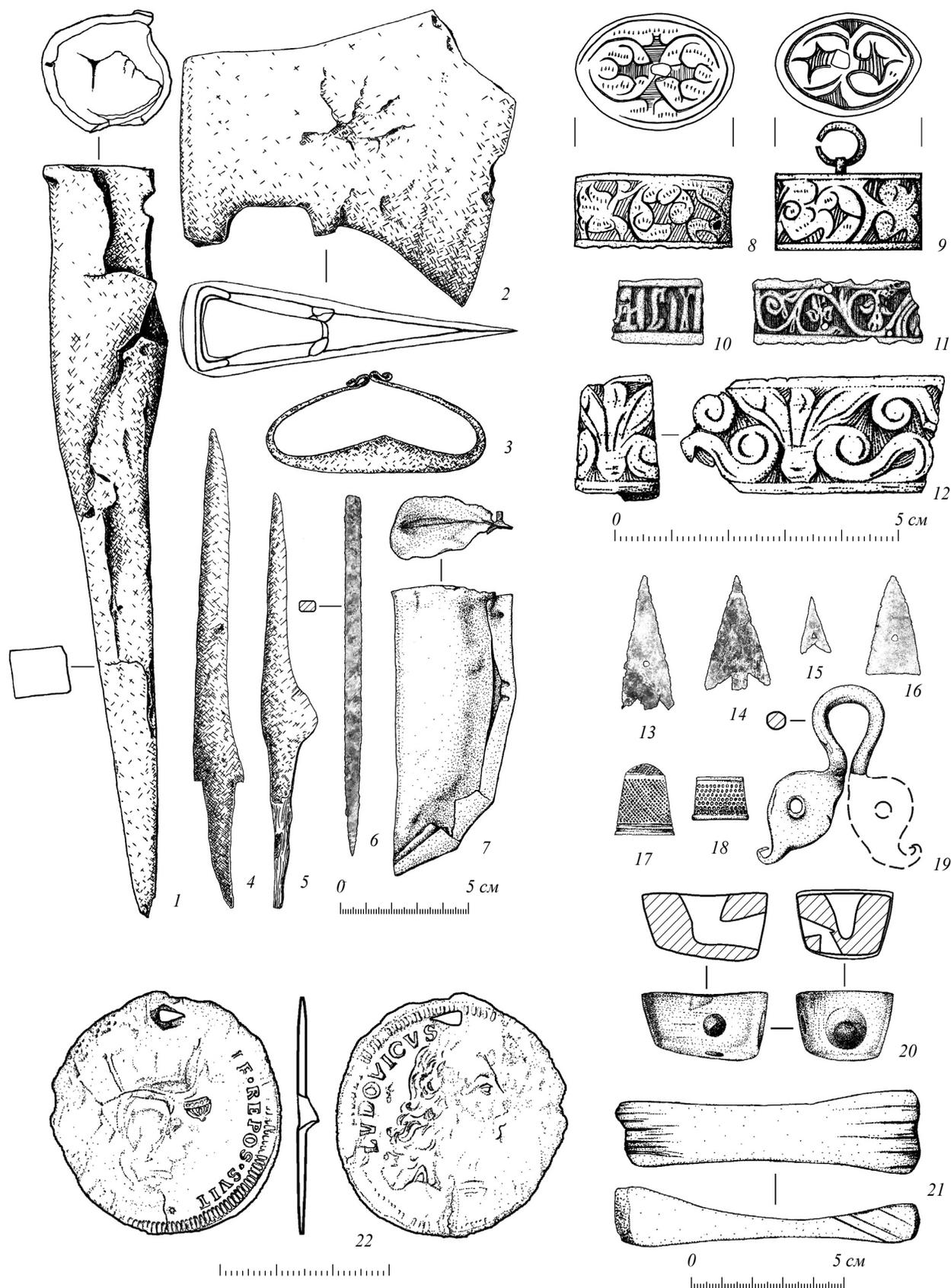

Рис. 9. Селище Угутское 21, 40. Орудия и инструменты: 1 – пешня; 2 – топор; 3 – кресало, 4, 5 – ножи; 6 – наконечник стрелы из железа; 7 – накладка на ножны; 8–12 – Навершия и bolsterы рукоятей ножей; 13–16 – наконечники стрел медные; 17, 18 – наперстки; 19 – ушко котла; 20 – курительная трубка; 21 – абразив для заточки игл; 22 – счетный жетон